

УДК: 13

Исторические аспекты обеспечения безопасности дальневосточных границ России в начале XX в.

Игорь Викторович Шмонин,

аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: shmonin_igor@mail.ru

Дмитрий Игоревич Шмонин,

аспирант Дальневосточного федерального университета, Владивосток.

E-mail: tridents@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы обеспечения безопасности дальневосточных государственных границ России в начале XX в. Понимая безопасность как состояние защищённости от внешних и внутренних угроз, авторы анализируют состояние пограничного и таможенного надзора на сухопутных и морских границах Дальнего Востока в условиях режима порто-франко и действия 50-вёрстной зоны свободной (беспошлинной) торговли вдоль сухопутных границ. Источниковую базу исследования в основном составили ранее не публиковавшиеся материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Анализ архивных документов свидетельствует, что представители местных органов власти — от нижних чинов Уссурийского казачьего войска до Приамурского генерал-губернатора — были всерьёз озабочены бедственным положением, в котором оказалась дальневосточная граница Российской империи в начале XX в. В кратком историографическом обзоре подчёркнуто, что тема охраны дальневосточных границ в дореволюционной России нашла отражение во многих работах отечественных историков, которые, как правило, рассматривали её сквозь призму деятельности отдельных ведомств. В данной статье осуществлена попытка комплексного подхода, для чего в решении одной задачи — обеспечения безопасности дальневосточных границ — была рассмотрена деятельность различных ведомств. В статье даётся общая характеристика многообразного спектра проблем, ставятся вопросы, выдвигаются гипотезы и, таким образом, определяются направления дальнейшего исследования темы, не потерявшей своей актуальности и в наши дни.

Ключевые слова: государственная граница, пограничный пост, пограничный комиссар, таможня, порто-франко, контрабанда, казачество, хунхузы.

Historical aspects of providing security of Russia's Far-Eastern border in the early 20th century.

Igor Shmonin, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Nations of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: shmonin_igor@mail.ru

Dmitry Shmonin, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: tridents@yandex.ru

The paper deals with problems connected with providing security of Russia's Far-Eastern border in the early 20th century. Understanding security as the state of safety from external and internal threats, the authors analyze the standing of border and customs control at land and sea borders of the Russian Far East in conditions of free port regime and effect of 50-verst zone of free trade. The source base of the research consists mostly the materials of the Russian State Historical Archive of the Far East which had not been published before. The document analysis shows that local authorities, from enlisted men of Ussuriysk Cossack troops to Amur Governor General, were seriously concerned with the distress the Far-Eastern border suffered in early 20th century. In a brief historiographical review, the authors emphasize that the topic of border defense in pre-revolutionary Russia was reflected in many papers of Russian historians who, normally, reviewed it from the viewpoint of separate agencies. This paper, on the contrary, makes an attempt to apply complex approach by reviewing the integral activities of diverse agencies aimed at completing the common task: providing for security of the Far-Eastern border. The paper gives a common description of a wide range of problems, questions are set, hypotheses put forward, and, therefore, the directions for the further research on the topic, which has not lost its relevance nowadays, are identified.

Keywords: state border, border post, border commissioner, customs service, free port, trafficking, Cossacks, Honghuzi.

Перепроизводство товаров и низкая платёжеспособность населения вызвали в начале XX в. экономический кризис, поразивший развитые капиталистические страны, в т.ч. и Россию. На российском Дальнем Востоке положение усугубляли политические события как внешнего, так и внутреннего характера. Восстание ихэтуаней в Китае в 1900—1901 гг. вызвало всплеск антикитайских настроений среди российских подданных дальневосточного приграничья. Поражение России в Русско-японской войне 1904—1905 гг. обострило межнациональные противоречия на русской территории. Наконец, волна Первой русской революции, последствия которой расшатали государственный строй, докатилась и до отдалённого Приамурья, которое, по свидетельству генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера, представляло «безотрадную картину общей неурядицы, смуты и распущенности» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 526. Л. 1].

В этих условиях обострился вопрос о безопасности границ. К началу XX в. на Дальнем Востоке России не было структуры, которая на профессиональном уровне решала бы задачу охраны и защиты государственной границы. В разной степени и по различным направлениям этим вопросом занимались подразделения нескольких ведомств. Отчасти из-за этого

в историографии найдётся немного работ, которые освещают проблему безопасности дальневосточных границ комплексно.

Немало исследований проведено по изучению деятельности Уссурийского казачьего войска и его вклада в дело охраны и защиты Дальневосточных границ. Прежде всего это работы О.И. Сергеева, В.Д. Иванова, М.А. Кутузова, А.А. Плеханова, В.В. Писаренко. Тема участия в охране границы кавалерийских соединений Приамурья затронута в работах Р.С. Авилова. Истории становления и развития таможенной службы на Дальнем Востоке посвящены фундаментальные исследования Н.А. Беляевой, В.Ф. Печерицы, А.В. Алепко, Ю.Г. Кисловского, А.В. Попенко. Много исследований проведено по истории деятельности кораблей Сибирской флотилии, среди которых публикации В.Н. Чернавской, А.И. Калинина, А.С. Абакумова, Н.Б. Аюшина, С.Н. Ляпустина, однако решение задачи охраны морской границы в них не рассматривается либо затрагивается поверхностно. Данная тенденция характерна и для до-революционной историографии. Вместе с тем, интересующие нас проблемы отразились в работах таких выдающихся деятелей Общества изучения Амурского края, как Ф.Ф. Буссе, М.И. Венюков, П.Ф. Унтербергер, В.К. Арсеньев.

Не нашёл пока своего научного исследователя вопрос деятельности пограничных комиссаров, хотя документы, с ней связанные, наиболее полно характеризуют проблемы обеспечения безопасности Дальневосточных границ. Например, Южно-Уссурийский пограничный комиссар¹ Евгений Смирнов в своём докладе на имя военного губернатора Приморской области от 10 июня 1907 г. пишет: «Границы области сухопутные и морские даже в южной, жилой её части тянутся на тысячи вёрст вдоль пустынных местностей Маньчжурии и не менее пустынных морей, что делает их охрану почти невыполнимою. В Приморскую область проникает множество инородцев² и свободно расходятся по уездам Удскому³, Хабаровскому и Южно-Уссурийскому. Как и кому здесь следить за вторжением инородцев? Между верховьями рек Хунчуна и Ушагоу находится старый, давно протоптанный хунхузский тракт к Владивостоку и дальше в пределы области; по нему с давнего времени, иногда целыми партиями, проникают китайские головорезы и грабители из вольных хунхузских общин... Кроме грабежей в Владивостоке и окрестностях, они пиратствуют в заливе Петра Великого, а к осени уходят в свои горы» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 59. Л. 8 об.—9].

Как свидетельствуют документы, и в пунктах пропуска через границу дела обстояли не лучшим образом. В этой связи весьма показательным

¹ Управление пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае учреждено Высочайше утверждённым мнением Государственного Совета от 12 ноября 1869 г. [ПСЗРИ. II. Т. 44. № 47653]. По мнению Н.М. Пржевальского, в т.н. Южно-Уссурийский край входят «...бассейн озера Ханка и южное побережье Японского моря. Сюда же относят и область верхней Уссури, т.е. вообще все земли к югу от 45½ градуса северной широты» [7, с. 46].

² Инородцами нередко называли коренных жителей Приамурья, однако в данном случае речь идёт о китайских и корейских подданных, нелегально проникавших на российскую территорию.

³ Удский уезд с центром в Николаевске в 1914 г. исключён из состава Приморской области и включён в Сахалинскую.

представляется пример Турьего Рога — селения на западном берегу оз. Ханка у устья р. Тур (Белянхэ), где ещё в мае 1859 г. (т.е. до подписания в 1860 г. Пекинского Договора) подполковник Константин Будогосский основал первый российский сухопутный пограничный пост [10, с. 202]. Сначала здесь служили солдаты 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона, а с учреждением в 1869 г. в Камень-Рыболове Уссурийской конной казачьей сотни — казаки [2, с. 259]. Однако летом 1898 г. по решению Военного губернатора Приморской области Д.И. Субботича пост в составе одного урядника и десяти казаков был снят, т.к., по мнению чиновников, опасность от маньчжурских манз населению Турьего Рога не грозила [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 191. Л. 29]. Помещения, построенные для поста, со временем были проданы крестьянам и разобраны [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 59. Л. 28].

Однако в 1907 г. установление в Турьем Роге пограничного надзора стало необходимостью. Пристав Ханкайского стана Кузнецов докладывал: «...через Турийрогский надел совершается провоз оружия, бесконтрольно совершают переходы и переезды как нижние чины китайской армии, так и офицеры и чиновники, провозится контрабанда, проходит неблагонадёжный элемент без визы паспортов и расплывается по уезду» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 59. Л. 17 об.]. Озабоченность высказывал и начальник Гродековского участка Уссурийского казачьего войска подъяесаул Федосеев: «Осмотр китайцев и корейцев и ... <возимых ими грузов> за границу и обратно через с. Турий Рог в настоящее время не производится. Да и кто это должен делать? Если это поручить старосте с. Турий Рог, то немедленно начнутся злоупотребления. Вследствие постоянных появлений по всей границе хунхузов, не мешало бы поставить в Турьем Роге воинский пост, уж очень отдалённое место, китайское население по долине р. Мурень с каждым днём растёт...» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 59. Л. 19—20]. Признавая потребность в восстановлении поста, Военный губернатор Приморской области генерал-лейтенант В.Е. Флуг в представлении Приамурскому генерал-губернатору от 08 декабря 1907 г. отметил, что такое мероприятие нашёл вполне целесообразным и окружной таможенный инспектор, но осуществить это трудно, т.к. в указанном месте нет жилого помещения, а в распоряжении Таможенного ведомства — финансовых средств на новые постройки [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 59. Л. 49].

Говоря об обеспечении пограничного и таможенного надзора в рассматриваемый период, следует отметить, что их финансирование было скудным. Царское правительство, очевидно, не видело смысла вкладывать деньги в обустройство границы, не приносящей в казну дохода. Беспшлинное перемещение товаров долгое время узаконивалось правилами 50-вёрстной зоны⁴ свободной приграничной торговли и введением статуса

⁴ В дополнение к Пекинскому договору (1860 г.) 20 февраля 1862 г. были подписаны правила для сухопутной торговли с Китаем. Ст. 1 гласила: «По границе обоих государств на расстоянии 100 китайских ли (ли равна русской полуверсте) в ту и другую сторону производится торговля беспшлинно». Данное правило нашло своё подтверждение в Петербургском договоре (1881 г.) и утратило свою силу лишь в 1913 г., при продлении Петербургского договора.

порто-франко⁵ для морских портов тихоокеанского побережья. Проект учреждения пограничной стражи в Восточной Сибири, разработанный специальной комиссией в конце XIX в., предполагал ежегодный расход около 3 млн руб., но из-за дороговизны не был утверждён. С отменой режима порто-франко решили лишь ограничиться усилением существующей таможенной стражи, выделив для этого около 500 тыс. руб. в год [3, с. 86—87]. Так, в июне 1899 г. императорским указом в Николаевске и Владивостоке учредили лишь четыре должности таможенных чиновников «для осмотра и очистки пошлиной», а в мае 1901 г. основали Николаевскую и Владивостокскую таможни с соответствующим штатным расписанием.

С этого и началась история дальневосточной таможенной службы. О том, насколько сложно происходило её становление, свидетельствуют документы. Так, Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер в своём «Всеподданнейшем отчёте за 1906—1907 годы» констатировал: «Кроется опасность в некоторых дефектах организации таможенного надзора и таможенной защиты границы. Дефекты эти — таможенная волокита и контрабанда, из коих первая разорительна для населения, вторая — для легальной торговли... Устройство и оборудование портов весьма неудовлетворительно и совершенно не соответствует их грузообороту, который сильно тормозится. О больших затруднениях, с которыми связана охрана сухопутной границы, свидетельствует та почти совершенно безуспешная борьба, которая ведётся таможенным ведомством и акцизным надзором с всё увеличивающимся тайным проникновением в Приамурский край акцизных товаров, особенно спирта, который водворяется большими партиями в Амурскую и Приморскую области» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 526. Л. 16—17].

В таком же бедственном положении находилась и морская граница. Рыбный промысел, имеющий для населения Приамурского края, особенно северных уездов Приморской области, огромное значение, после Русско-японской войны оказался в исключительных условиях. Особое соглашение, закреплённое Русско-японской рыболовной конвенцией от 15 июля 1907 г., давало японцам право на лов рыбы в территориальных водах наравне с русскими. В районах, подлежащих действию конвенции, японцы сразу перехватили инициативу: на их долю приходилось 85 из 89 рыболовных участков. Не ограничиваясь постановлениями конвенции и пользуясь слабостью надзора, они промыслили не на своих участках, а в устьях рек, преграждая рыбе путь в верховья для метания икры. По свидетельству П.Ф. Унтербергера, «опыт 1907 года показал, что надзор, в настоящем его составе, совершенно несостоятелен и что только безотлагательное его усиление и принятие всех вообще мер к действительной охране

⁵ Термин «порто-франко» имеет итальянские корни и обозначает приморскую гавань, пользующуюся правом беспошлинного ввоза заграничных товаров. 22 декабря 1860 г. российским императором Александром II был утверждён закон, который «...распространил право беспошлинной торговли на все порты Приморской области». С 1899 г. с началом таможенного обложения во Владивостоке и Николаевске данный режим постепенно ограничивался, однако в связи с началом Русско-японской войны 1 мая 1904 г. был восстановлен в полном объёме, а отменён лишь 16 января 1909 г. [1, с. 66].

побережья может спасти рыбный промысел от скорого и полного разорения» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 526. Л. 13—13 об.].

Не лучшим образом велось наблюдение за корейскими каботажными шаландами и китайскими джонками, добывавшими морскую капусту и трепангов, а также за японскими парусными судами, ловившими рыбу от м. Поворотного до Татарского пролива. Надзора за ними практически не осуществлялось, т.к., по свидетельству погранкомиссара Е.Т. Смирнова, «посылка сюда мелкого крейсера, вооружённого транспорта или пары миноносок — это целый государственный вопрос с массой переписки» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 59. Л. 9—9 об.].

Особую тревогу в то время вызывала угроза потери пушного промысла на Командорских о-вах, дававшего в начале 90-х гг. XIX в. свыше 30 тыс. шкур морских котиков ежегодно. К 1906 г. объёмы добычи упали и едва достигали 7 тыс. Главная причина такого печального явления — беспощадное истребление этого ценного зверя иностранными браконьерами, особенно японскими, которые устраивали открытые нападения на лежбища морских котиков. При этом малочисленная береговая охрана, располагавшая только вельботами и вооружённая берданками, в борьбе с браконьерами, имевшими пушки, дальнобойные ружья и моторные шхуны, была бессильна [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 526. Л. 14—14 об.].

С первых лет освоения Южно-Уссурийского края все войсковые и крестьянские силы боролись с бандами хунхузов. Вследствие их частых вторжений в конце XIX в. вдоль границ стояли караулы; небольшой отряд на казачьих пароходах при содействии китайских отрядов отлавливал хунхузов на р. Уссури. У истока р. Сунгачи, вытекающей из оз. Ханка, находился наблюдательный пост, состоявший из льготных казаков Уссурийского казачьего войска, а в глухие места области время от времени отправлялись воинские команды с приставами: выжигали фанзы и разгоняли самовольных китайских поселенцев, живших там. Летом 1900 г. группа крестьян напала на вооружённых китайцев, незаконно расположившихся в верховьях р. Сучана. Посчитав действия крестьян самообороной, конфликт уладили, хотя погибло 60 китайцев. В то время крестьяне, хорошо владевшие оружием, собирались в дружины. Однако к 1907 г. эти объединения, из которых можно было бы формировать пограничные наблюдательные посты, упразднили [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 59. Л. 10 об.—11].

Проблема борьбы с хунхузами в Приамурье не потеряла своей актуальности и в дальнейшем. Подтверждением этому является приказ по Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам от 22 августа 1908 г. № 18, которым были утверждены «Правила по охране нашей границы населением Уссурийского казачьего войска от вторжения хунхузов» и «Инструкция хуторским, поселковым и станичным атаманам Уссурийского казачьего войска по охране границы от вторжения в наши пределы шаек хунхузов». Охрана казачьих станиц на границе с Маньчжурией возлагалась на всё способное носить оружие мужское население Уссурийского казачьего войска. Основу системы охраны составляло наблюдение за окрестностями населённых пунктов с деревянной вышки, оборудованной сигнальной вехой, которую

поджигал часовой, обнаружив опасность. При наличии колокола подавали звуковой сигнал. Поднятые по тревоге казаки обязаны были атаковать хунхузов и «стремиться к полному их уничтожению, преследуя до границы» [8].

Другим явлением, вызывавшим серьёзные опасения местных властей, был всё увеличивавшийся наплыв в Южно-Уссурийский край и на левобережье Амура корейцев. По сведениям П.Ф. Унтербергера, в 1907 г. на территории Приамурья их насчитывалось 25 818 чел. [9]. Многие чиновники царской России, хотя и признавали пользу присутствия в крае трудолюбивых корейцев, приходили к выводу, что дальнейшее их переселение и оседание в пределах края недопустимы [4, с. 26].

О глубине и характере всего комплекса проблем, связанных с обеспечением безопасности дальневосточных границ в рассматриваемый период, можно судить, исходя из предложений Южно-Уссурийского пограничного комиссара Евгения Смирнова Военному губернатору Приморской области. «Для того, чтобы хоть что-нибудь сделать по охране нашей границы», он предлагал: установить обязательные пункты перехода; учредить пограничные караулы и разъезды вдоль границы; усилить облавы и задержанных безбилетных китайцев высылать по железной дороге в Харбин, а морским путём — в г. Чифу; корейцев по-прежнему высылать в распоряжение пограничного комиссара для передачи корейским властям; ответственность за исполнение вышеперечисленного возложить на пограничного комиссара, распространив его влияние на Северо-Уссурийский край.

Для пропуска через границу китайцев и корейцев Е. Смирнов предложил установить пропускные пункты: девять — от переправы через Тюмень-улу до истока р. Сунгача, далее по Сунгаче и Уссури в наиболее важных казачьих станицах и Хабаровске. Наблюдение за пропуском в область иностранцев на указанных пунктах он предложил возложить «...там, где есть таможенные посты, — на них, вдоль казачьих земель — на начальство Уссурийского казачьего войска, в Владивостоке — на портовую полицию, в Хабаровске и Николаевске — на городскую полицию; в остальных местах — на уездную полицию».

Организовать охрану границы от вторжения т.н. безбилетных, т.е. не имевших права на пересечение границы вне пропускных пунктов, было самым трудным делом. Многие дальневосточные чиновники того времени рассчитывали, что если в Государственной Думе пройдёт министерский законопроект об отмене порто-франко и если таможенное ведомство охватит своими охранными линиями и постами всю границу края, то всё дело можно было бы возложить на это ведомство. Но пока Е.Т. Смирнов предлагал назначить ответственными таможенные посты: за район Новокиевска — одноимённый пост; за горную часть границы от Хунчунского караула до верховий р. Ушагоу — Посьетскую корейскую дружину; от станицы Полтавской до устья р. Уссури — льготных казаков из Уссурийского казачьего войска; за охрану морской границы — восстановленные крестьянские дружины приморских волостей [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 59. Л. 11 об.—13].

Может сложиться впечатление, что в центральных органах государственной власти никому не было дела до дальневосточной границы. На самом деле, по словам того же Смирнова, все мероприятия по обеспечению её безопасности носили паллиативный, т.е. полумерный характер. Между

тем на западной границе России ещё с 1893 г. несли службу специальные подразделения Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), находившегося в подчинении Министерства финансов и приносившего казне доход в виде задержанной контрабанды на сумму от 200 до 400 тыс. руб. ежегодно [5, с. 282]. А для охраны Китайско-Восточной железной дороги был учреждён Заамурский пограничный округ, выполнявший пограничные функции на территории Маньчжурии. Почему же дальневосточная граница оказалась не защищённой от вполне реальных внешних угроз специальными подразделениями типа ОКПС? Думается, что основная причина кроется в сущности дальневосточной политики царского правительства. Многие чиновники воспринимали далёкую окраину как колонию, от которой хотелось больше получать, нежели в неё вкладывать. С другой стороны, чтобы не потерять огромные дальневосточные территории, нужно было их осваивать, населять людьми. На решение этой задачи выделялись средства. Чтобы обеспечить население необходимыми товарами, разрешалось ввозить их из-за границы без обложения пошлиной. Таким образом, функция пограничной охраны по обеспечению экономической безопасности была сведена к минимуму и не могла покрыть расходы на её организацию. Для решения задачи войскового прикрытия границы было решено заселять приграничные территории края казаками — служивыми людьми, чтобы они, защищая свои станицы, не пропускали неприятеля вглубь края. Однако выяснилось, что далеко не все приграничные территории были пригодными для проживания (горы, леса, болота), и сотни километров сухопутной границы и морского побережья оказались незащищёнными.

Япония в Первой мировой войне довольно быстро захватила германские владения на Тихом океане и стала полновластной «хозяйкой» тихоокеанских просторов. Поскольку Россия имела в её лице сильного союзника, военные угрозы для российского Дальнего Востока стали менее очевидными, и для центральных российских властей более актуальной стала обстановка на фронтах войны, нежели на дальневосточной границе, где в результате ситуация с каждым годом становилась всё хуже. Воинские части регулярных и казачьих войск из Приамурья направлялись на фронт, надзор за границей ослабевал. С введением в 1914 г. в России запрета на производство и продажу водки значительно вырос поток контрабандного спирта из Китая, и экономике страны был нанесён удар.

В той или иной степени функции пограничной охраны на Дальнем Востоке выполняли различные ведомства: Военное обязывало к этому подразделения регулярных войск и казачества; Морское — военные суда Сибирской флотилии; Министерство внутренних дел — пограничных комиссаров, полицию, жандармерию, местные органы власти и население; Министерство финансов — таможенную, корчемную службу, иногда — подразделения от Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Но поскольку основные органы управления этими ведомствами, в т.ч. их финансирующие, находились в столице, властям Приамурского генерал-губернаторства было непросто координировать действия подразделений в интересах охраны дальневосточной государственной границы, что негативно сказывалось на эффективности этой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Беляева Н.А., Лаврик Л.А., Ляпустин С.Н., Попенко А.В., Шабельникова Н.А., Щербина Е.М. Дальневосточная контрабанда как историческое явление. Владивосток, 2010.
2. Васильева О. Пост Камень-Рыболов и его окрестности / Известия Императорского русского географического общества. Т. XI. Спб, 1876.
3. Ежуков Е.Л. По местам глухим и диким... Российская пограничная стража на Дальнем Востоке // Пограничник, 1992. № 2. С. 86—87.
4. Надаров И. Материалы к изучению Уссурийского края. Владивосток: Типография штаба портов Восточного океана, 1886.
5. Плеханов А.А., Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи России (1893—1917). М.: Граница, 2003. 282 с.
6. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). II. Т. 44. № 47653.
7. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1866—1867 гг. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990. 328 с.
8. Приказ по Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам. 22 августа 1928. № 18. г. Хабаровск (Российская Государственная библиотека. Отдел военной истории).
9. Унтербергер П.Ф. Приамурский край, 1906—1910 гг. Очерк / Записки Императорского географического общества. Спб, 1910. Карта Приморской области.
10. Усольцев А. Заханкайский край // Морской сборник. Т. LXXI. 1864. № 6. С. 202.
11. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Beljaeva N.A., Lavrik L.A., Ljapustin S.N., Popenko A.V., Shabel'nikova N.A., Shherbina E.M. *Dal'nevostochnaja kontrabanda kak istoricheskoe javlenie* [Far East smuggling as a historical phenomenon]. Vladivostok, 2010. (In Russ.)
2. Vasilyeva O. Post Kamen-Ruibolov and its surroundings [Kamen-Rybolov customs post and its surroundings]. *Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society*, Saint Petersburg, 1876, vol. XI. (In Russ.)
3. Ezhukov E.L. Po mestam gluhim i dikim... Rossijskaja pograničnaja strazha na Dal'nem Vostoke [In neglected corners and wilderness... Russian border guard in the Far East]. *Pogranichnik*, 1992, no. 2, pp. 86—87. (In Russ.)
4. Nadarov I. *Matters for the study of the Ussuriisk region* [Materialy k izucheniju Ussurijskogo kraja]. Vladivostok, Tipografija shtaba portov Vostochnogo okeana Publ., 1886. (In Russ.)
5. Plehanov A.A., Plehanov A.M. *Otdel'nyj korpus pograničnoj strazhi Rossii (1893—1917)*. [Separate corps of border guards of the Russian Empire (1893—1917)]. Moscow, Frontier Publ., 2003, 282 p. (In Russ.)
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (PSZRI)* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. II. Vol. 44. № 47653. (In Russ.)
7. Przheval'skij N.M. *Puteshestvie v Ussurijskom krae 1866—1867 gg.* [Journey to the Ussuri territory, 1866—1867]. Vladivostok, Far-Eastern book publishing house, 1990, 328 p. (In Russ.)
8. *Prikaz po Amurskomu i Ussurijskomu kazach'im vojskam. 22 avgusta 1928* [Order of the Amur and Ussuriisk Cossack troops. August 22 1928]. № 18. Khabarovsk. (In Russ.)
9. Unterberger P.F. Priamurskij kraj, 1906—1910 gg. Oчерk [Amur Krai, 1906—1910. Essay]. *Zapiski Imperatorskogo geograficheskogo obshhestva*. Saint Petersburg, 1910. (In Russ.)
10. Usoltsev A. Zahankaysky kraj [Trans-Khanka Krai]. *Maritime collected works*, vol. LXXII, 1864, no. 6, 202 p. (In Russ.)